

Марк Миллер
Полночь!
Нью-Йорк

Содержание

ПРОЛОГ. О! (Джо Тилсон, масло, холст).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Конвергенция (Джексон Поллок, холст, масло).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Мишень (Джаспер Джонс, энкаустика и коллаж на холсте).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Поцелуй II (Рой Лихтенштейн, масло и магна).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Верхом на смерти (Жан-Мишель Баския, холст, акрил, карандаш).

Марк Миллер

Марк Миллер

**Полночь!
Нью-Йорк**

**Издательство «Иностранка»
Москва**

Mark Miller
MINUIT! NEW YORK
© XO Éditions, 2021
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Елены Клоковой*

Оформление обложки *Вадима Пожидаева-мл.*

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Миллер М.

Полночь! Нью-Йорк : роман / Марк Миллер ; пер. с фр. Е. Клоковой. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022.

ISBN 978-5-389-21750-8

16+

Париж. Лоррен, сотрудница пиар-агентства, тонкая ценительница искусства, едет в Нью-Йорк, где ей предстоит повышение. Незвестный человек, якобы много лет назад убивший ее отца, шлет ей письма с угрозами, ее жизнь в опасности, но это обстоятельство Лоррен от всех скрывает.

Нью-Йорк. Лео, талантливый художник, выходит из тюрьмы, где просидел три года за подделку картин великих мастеров. Покупатели подделок недовольны, и на свободе Лео предстоят крупные неприятности.

Конечно, эти двое встретятся. Конечно, им предстоят великие испытания и великая любовь. И конечно, их общая история превратится в головокружительное приключение, потому что их жизни переплелись много лет назад, хотя оба они об этом не подозревают, а угрозы преследователя отнюдь не пусты.

Марк Миллер написал романтическую и напряженную историю, в которой смешались любовь, искусство, алчность, тайны происхождения и непредсказуемость судеб. Что еще нужно для увлекательного романа? Знать, кто его написал, — но имя автора окутано тайной. Марк Миллер тщательно оберегает свое инкогнито, и критики, превознося его дебют «Полночь! Нью-Йорк», относительно личности автора теряются в догадках вместе с читателями. Перед вами, таким образом, двойная интрига: история Лео и Лоррен и история автора — и одну из этих историй вы дочитаете до финала на одном дыхании.

Впервые на русском!

© Е. В. Клокова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

ПРЕССА О РОМАНЕ МАРКА МИЛЛЕРА «ПОЛНОЧЬ! НЬЮ-ЙОРК»

Роскошный триллер. Тревожная история, которая будет резонировать годами.

BFM TV

Саспенс, экшен, эмоции — все ингредиенты, из которых смешивается идеальный роман.

Gala

Оригинальный триллер с непредсказуемым финалом — искусство, любовь и интрига.

Version Femina

Мечь, подозрения, семейные тайны — Марк Миллер рассказывает увлекательнейшую историю.

Femme Actuelle

У «Полночь! Нью-Йорк» есть все задатки бестселлера.

Ouest France

О Марке Миллере мы пока не знаем ничего. Да это и не важно: интригу и саспенс он выстраивает мастерски — и зачаровывает.

La Dépêche du midi

Перед вами блокбастер — блестящая мелодрама 2.0 пополам с триллером.

La Voix du Nord

Мощная романтическая интрига — колдовская, своеобразная, экзотическая. История любви развивается по законам высокого искусства под

знаком неумолимого рока. Идеальный роман.

Télé Z

Любовь, саспенс — прекрасный роман о тайнах, написанный таинственным автором.

Ici Paris

Поразительная книга! Триллер, ловко смикшированный с историей любви, — этот роман полон страсти и держит в неослабном напряжении. Очень рекомендуем, если хотите приятно провести время, а главное — если вас соблазняет открытие нового автора, который предпочитает не выходить из тени.

Le 7

Роман, от которого не оторваться, — эта изумительная история раскинулась от Парижа до Нью-Йорка. Экшен, саспенс, накал эмоций, симпатичные персонажи и неожиданный финал.

Le Quotidien du Médecin

Автор, предпочитая не раскрывать свою личность, дарит нам саспенс и добела раскаленные эмоции.

La Gazette du Centre Morbihan

Любовь и мошенничество. Марк Миллер терзает и рвет сердца.

Les Affiches de la Haute-Saône

Не оторваться от первой до последней страницы.

Radio Massabielle

*Лизе, моей скале, моему компасу,
которая одним дивным утром
подарила мне идею и стала
моей первой читательницей*

Только любовь может спасти человека от падения.

Пол Остер¹

¹ Цитата из романа американского писателя Пола Бенджамина Остера (р. 1947) «Храм луны» (*Moon Palace*, 1989), перев. М. Николаева.

[Здравствуй, Лоррен. Помнишь меня? Вижу, ты снова одна сегодня вечером.]

[Кто вы?]

[Человек, который интересуется тобой.]

[Хватит! Я вас заблокирую!]

[Не получится. Разве тебе не интересно, кто я и как узнал о тебе столько всего?]

[Мне плевать, псих несчастный! Вы — мне — неинтересны! Вы просто еще один придурок на просторах интернета.]

[Ты правда не хочешь узнать, какие у меня планы? Зря, они касаются тебя.]

[Прощай, жалкий хмырь.]

[Я собираюсь *убить тебя*, Лоррен.]

[Что-о-о??]

[Как убил твоего отца...]

[Дебил хренов, мой отец умер двадцать восемь лет назад!]

[А убийцу так и не нашли, да?]

[И что с того? Любой может найти все детали той истории в Сети!]

[*Любой* не может знать твой адрес: авеню Барбе-д'Оревильи², 1, четвертый этаж, квартира слева. *Любому* неизвестно, что ты живешь одна. Что у тебя нет ни дружка, ни домашнего питомца.]

[КТО ТЫ?]

[Скоро узнаешь.]

[Думаешь, я тебя боюсь? Лечи голову, болван! Я позвоню в полицию. А пока заблокирую тебя. Чао.]

Поначалу она думала, что все уладится. Верила, что так и будет. Говорила себе: «Он остановится. Ему

надоест. *Он* отвяжется от меня». Поначалу она хотела в это верить...

² Авеню названа в честь французского писателя и публициста Жюль Амеде Барбе д'Ореви́льи (1808–1889).

ПРОЛОГ

О!

(Джо Тилсон^{[3](#)}, масло, холст)

^{[3](#)} Джозеф Чарльз *Тилсон* (р. 1928) — английский художник, скульптор и гравёр, один из основоположников британского поп-арта; «О!» (*Oh!*) — его работа 1975 года.

Май 2020 года

Нью-Йорк, 28 мая 2020 года, Манхэттен, около восьми утра: солнце ластится к крышам домов. Отражается в оконном множестве небоскребов, полыхает на широких каньонах авеню, протискивается сквозь листву деревьев в Центральном парке, шарит по витринным окнам офисных зданий и стеклам надземного метро.

Следуя установленным маршрутом, светило в положенный час попадает в Сохо и заглядывает внутрь студии художника в Мидтауне. Выхватывает крупное тело на дубовом полу у кровати со сбитыми простынями. Освещает большие постеры Ганса Гофмана⁴ и Сая Твомбли⁵ на стенах и пса, который скребет когтями паркет и жалобно подвывает рядом с телом.

Она оставила открытой тяжелую металлическую противопожарную дверь и смотрит на место происшествия с порога. Ошеломленная. Насмерть перепуганная. А минуту спустя слышит собственный голос:

— Лео!

Он не отзывается. Она идет к нему через огромную, залитую веселым хулиганистым солнцем комнату, чувствуя, что превращается в ледяную статую. В это невозможно тихое мгновение лежащий на полу человек кажется грандиозно прекрасным.

— Лео!

Нет ответа. Лоррен впадает в панику. Опускается на колени, трясет его, хлопает по щекам. Слезы текут по ее лицу и сверкают бриллиантовыми каплями росы в ярком утреннем свете.

— Лео! Ну пожалуйста! Открой глаза. Скажи хоть что-нибудь. ЛЕО!

Она наклоняется, пытается нащупать пульс, проверяет дыхание. Он жив! Он дышит!

Через двадцать секунд он открывает огромные бледно-серые глаза и обращает на нее тот ясный взгляд, от которого она всегда таяла, пробует улыбнуться. Он бледен как полотно.

— Лоррен... Ты здесь... Не пугайся... Вызывай подкрепление, — очень тихо и нежно говорит он. — Сейчас же, милая...

Он замолкает и теряет сознание, но пока дышит. Лоррен дрожащей рукой вытаскивает из кармана телефон. Она почти ничего не видит сквозь пелену слез. *Соберись!* 911 удастся набрать только со второго раза. Оператор отвечает, она что-то лепечет, путается в словах. Ровный голос просит ее назвать фамилию и адрес «на случай, если связь вдруг прервется». Она сбивчиво, торопясь, излагает суть дела, ее просят повторить, и она начинает заводится, спокойствие собеседницы бесит ее. Она делает глубокий вдох и объясняет, что стряслось. Ей велют оставаться на линии — дело явно серьезное.

Он снова открывает глаза, говорит:

— *Take it easy.*

И снова отключается — ровно в 08:30, 28 мая 2020 года, в Нью-Йорке.

Она смотрит, как его увозят на каталке, колесики противно скрипят по полу. На него надели кислородную маску, медики тоже в масках, но в обычных, медицинских. Волосы, показавшиеся ей слишком длинными при их первой встрече, обрамляют его красивое лицо с опущенными веками, и она снова пугается — так, что едва может дышать. Она провожает медиков до лифта, возвращается, закрывает дверь лофта, встретившись взглядом с кокер-спаниелем, печальным, потерянным взглядом собаки, оставшейся

без хозяина, и к глазам снова подступают слезы.

Вустер-стрит. Белая с оранжевыми полосками «скорая» Пресвитерианской больницы города Нью-Йорка стоит с распахнутыми дверями. Каталку поднимают, и Лео исчезает внутри улюлюкающей машины. Лоррен поднимается наверх, чтобы собрать кое-какие вещи, пытается сообразить, что ему может понадобиться в больнице, точно зная, что на этот раз он не выкарабкается.

⁴ *Ганс Гофман* (1880–1966) — американский художник и педагог, сильно повлиявший на абстрактный экспрессионизм.

⁵ *Сай Твомбли* (Эдвин Паркер Твомбли-младший; 1928–2011) — американский художник, фотограф, скульптор-абстракционист.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Конвергенция

(Джексон Поллок, холст, масло)^{[6](#)}

^{[6](#)} «*Конвергенция*» — картина американского художника Пола Джексона Поллока (1912–1956), одной из ключевых фигур абстрактного экспрессионизма. Композиция создавалась методом капания и заливки краски на холст; линии, пятна, круги передают эмоции художника. Картина была написана во время холодной войны; считается, что она олицетворяет идею свободы слова. Сам термин «конвергенция» означает сближение и приобретение сходных признаков в ходе эволюции у разных организмов, экономик, языков, мифологий и т. д.

Если бывал в Нью-Йорке,
ты знаешь, о чем я говорю.

The Yardbirds,
«New York City Blues»⁷

Пятью месяцами ранее

В понедельник, 9 декабря 2019 года, на Париж обрушился ливень. Она захлопнула крышку чемодана, брошенного на кровать в ее большой и практически пустой квартире на авеню Барбе-д'Оревильи, 1, в двух шагах от Эйфелевой башни.

Она: Лоррен Демарсан, дочь покойного Франсуа-Ксавье Демарсана и Франсуазы Бальсан.

В столице в том декабре все время шел дождь и холод стоял собачий, но Лоррен не было дела до погоды: через два часа она собиралась улететь в Нью-Йорк, в заснеженный город, если не врут синоптики.

Лоррен любила Париж, а Нью-Йорк обожала.

Он был полон энергии, вибрировал от нетерпения, и это делало его уникальным. В Нью-Йорке присутствовало нечто неуловимое — музыкальность, свойственная городу и его жителям, совершенно не похожим на бесконечно близких ей парижан. Француженка по рождению, Лоррен провела первые годы жизни в Большом Яблоке, а потом ее мать решила вернуться во Францию, забрав все имущество, что ей принадлежало, и прихватив дочь. Оказываясь в Нью-Йорке, Лоррен неизменно попадала под власть завораживающей магии этого города и чувствовала, что вернулась домой.

Она натянула джинсы, надела толстый свитер,

обмотала шею пушистым серым шарфом и посмотрела на часы. 16:09. Такси приедет через минуту. Лоррен подошла к балкону и последний раз взглянула на Эйфелеву башню, которую атаковал ветер. Буря совсем распоясалась, но Старая Дама плевать хотела на стихию: устремленная в темное парижское небо как вызов быстротекущему времени, она спокойно пережила все эпохи, все кризисы и все шторма.

Лоррен проверила паспорт во внутреннем кармане пальто, испытывая нетерпеливое желание оказаться в салоне авиалайнера и отдаться в заботливые руки бортпроводниц и стюардов. Она выпьет пару бокалов шампанского, посмотрит киношку или сериал, а потом уснет под мягким пушистым пледом, спрятав глаза под маской для сна (ура бизнес-классу компании «Эр Франс»!) на высоте десяти тысяч метров над Атлантическим океаном. Лоррен терзали страхи и хандра. Ей не терпелось убраться из Парижа, хотя в свои тридцать пять она имела все основания радоваться жизни. Карьера на взлете, а назначение в заокеанский филиал открывает новый этап безошибочного прохождения дистанции. Пиар-агентство DB&S — Демарсан, Буржин и Саломе — вручило ей штурвал, продемонстрировав тем самым степень своего доверия. Поль Буржин и Поль-Анри Саломе — два ее компаньона, которых она фамильярно называет «два моих полюса». Так уж повелось с незапамятных времен, хотя друзья отца были старше, опытнее и время от времени слегка раздражали Лоррен излишне покровительственной манерой общения с ней.

И все-таки в Нью-Йорк они отправляют ее! Она свободно владеет английским, знает, как вести себя с этим городом и его жителями. По большому счету парижанка она во вторую очередь...

Лоррен зашла в одну из ванных комнат и достала из аптечки леденец от боли в горле. Вечно одно и то же:

важное событие на пороге — ее организм преобразует психические переживания в соматические ощущения в виде симптомов различных заболеваний. В подростковом возрасте накануне свидания с мальчиком или экзамена у нее обязательно вылезала лихорадка на нижней губе. Лоррен прошла по бесконечному коридору своих апартаментов — шесть спален плюс четыре туалетные комнаты (цена одного квадратного метра — пятнадцать тысяч евро!), — расположенные в одном из самых шикарных и дорогих кварталов в Седьмом округе, которые достались ей в наследство от отца.

Пришла эсэмэска: «Ваше такси G7 ожидает у подъезда...»

Она в последний раз взглянула на экран ноутбука, чтобы проститься с «Дозорным», одной из картин Виктора Чарторыйского. Нет, не с «одной из», а с Картиной. Шедевром американского художника польского происхождения. Второй период его творчества, так называемый «метафизический реализм», начался в 1970-м и сделал его одним из самых известных американских художников XX века наряду с Поллоком и Уорхолом... Смутный силуэт человека, написанный широкими яростными мазками, черной краской на сером фоне с едва заметными вкраплениями зеленой, желтой кадмиевой и густыми слоями феерической красной.

«Дозорный». Любимое полотно отца. И Лоррен... Она посмотрела на него, возможно, в сотый раз и подумала: «Через несколько часов сокровище станет моим...»

Лоррен протянула руку, чтобы закрыть ноутбук, и тут на почту пришло сообщение. *Отправитель неизвестен.* Лоррен напряглась, в мозгу прозвучал сигнал тревоги. Рот мгновенно пересох, стало трудно дышать, но она все-таки прочла его:

Езжай куда хочешь, Лоррен.
От меня не скроешься.

На несколько мгновений ее парализовало, но она тут же встряхнулась, захлопнула ноутбук, погасила везде свет и побежала к двери с чемоданом в руке и компьютерной сумкой на плече, заперла квартиру и рванула к лифту. На улице в лицо ей кинулся холодный косой дождь, в момент уничтожив укладку, а болван-таксист припарковался на пересечении авеню Барбед'Оревилли и Дешанель⁸. Стоки переполнились, по фасадам домов и асфальту мостовых и тротуаров струилась вода. Квартал опустел, люди, бродячие собаки и уличные коты попрятались кто куда. «Никогда не видела города таким пустым...» — подумала Лоррен, устраиваясь на сиденье черного «мерседеса», и вдруг осознала, что ее трясет. Она подумала, что избежала неведомой опасности, и понадеялась, что неизвестный вряд ли отправится следом за ней в Штаты.

Лоррен хотелось как можно скорее покинуть Францию навсегда. В следующем месяце. Этот визит — подготовка к прыжку на «другой берег», расстояние в шесть тысяч километров лишит неизвестного агрессора возможности портить ей жизнь.

⁷ «*New York City Blues*» («Нью-йоркский блюз») — песня лондонской рок-группы *The Yardbirds* (1963-1968); впервые вышла как B-сторона сингла «*Shapes of Things*» (1966).

⁸ Авеню носит имя французского литератора, политика, профессора Коллеж де Франс и пожизненного сенатора Эмиля Дешанеля (1819-1904), отца президента Французской Республики (1920) Поля Дешанеля.

Я — король Нью-Йорка.

The Quireboys,
«*King of New York*»⁹

Он покидает Райкерс-Айленд в тот же день. Небо затеяло снегопад, утренняя температура в Нью-Йорке опустилась ниже нуля. Город под хмурым небом сверкает первозданной белизной. Стоит обычный для Большого Яблока декабрь.

Его зовут Лео Ван Меегерен, ему тридцать один год, и в данный конкретный миг истории он наконец освободился.

Райкерс-Айленд, самый большой пенитенциарный комплекс штата Нью-Йорк и второй по размеру в Америке, стоит на одноименном острове (как следует из его названия), окруженном водами пролива Ист-Ривер. Чтобы попасть туда или выбраться оттуда, нужно преодолеть мост длиной тысяча двести восемьдесят метров, что Лео и осуществил на фургоне, сопровождаемом криками чаек и порывами ледяного ветра.

Сзади сильно трясло, но он улыбался, потому что покидал Райкерс, отсидев три года в исправительном центре Отиса Бантума. За что его осудили? Лео мог написать картины Писсарро, Ренуара, Ван Гога и Матисса не хуже — если не лучше — самих мэтров. Он был фальсификатором. Раньше. Отбыв три года, он твердо вознамерился спрятать кисти в сундук.

Длинноволосый брюнет Лео Ван Меегерен, одетый в линялые джинсы, черный свитер с высоким горлом и

легкую замшевую куртку, больше напоминал художника — каковым, собственно, и являлся, — чем бывшего зэка. Роста в нем было метр восемьдесят пять, весил он восемьдесят кило: семь из них помогла набрать тюремная «качалка». Походка как у дикого кота, чуть развинченная, нарочито неторопливая, неизменно привлекала к нему внимание окружающих — как и пристально-мечтательный взгляд огромных серых глаз. Взгляд охотника — или художника, это уж как кому покажется.

Три года в Райкерс привнесли в характер Лео черты хищного зверя. Тюремная жизнь была насквозь пропитана агрессией, заключенные враждовали с охранниками и между собой, садизм, сексуальные правонарушения, подпольная торговля всем чем можно и нельзя, прилюдный шмон с раздеванием догола были обычным делом в бетонных джунглях. Здесь имелись госпиталь, часовня, бейсбольные площадки, электростанция, беговой стадион и две булочные, но дух насилия превращал Райкерс в одну из самых страшных тюрем США. 22 июня 2017 года мэр Нью-Йорка объявил о намерении закрыть ее в течение десяти лет.

Лео — слава всем богам, здешним и нездешним! — оставил роковое заведение за спиной и теперь сидел, прислонясь к вибрирующему борту, и незаметно поглядывал на своих спутников. В этот день освободили семерых. Семь историй, семь траекторий, семь лиц, возбужденных или потухших. Водитель сбросил скорость, машина остановилась, и двери открылись, впустив в кабину отражение сверкающей, слепящей белизны снега.

— Эй, вы там, на выход!

Люди моргали, переглядывались, не понимая, что происходит.

— Шевелитесь! Мы не собираемся из-за вас морозить задницы!

— Черт, не верю, не может быть... — просипел кто-то.

Молодой парень, лет двадцати от силы, плакал горячими слезами, самый старший, семидесятилетний, не мог подняться на ноги. Лео положил руку ему на плечо:

— Прибыли, Чарли, идем...

Тот взглянул на него с таким изумлением, что Лео вдруг понял: «Да ему страшно! Он боится свободы. Боится пустоты дней на воле!» — и вспомнил слова из песни группы *U2*: «Свобода в Нью-Йорке — это слишком широкий выбор...»

Он сразу замерз в куртке на рыбьем меху, холодрыга стояла жуткая, мокрый тяжелый снег падал на асфальт, кружился над линией надземки. Лео окинул взглядом тюремный фургон, пристроившийся недалеко от станции нью-йоркского метрополитена «Бульвар Астория — Дитмарс», что в Куинсе, и вдруг вспомнил: в вещах, которые ему вернули на выходе, была карточка для проезда. Интересно, она еще действительна? Миленький вопросик, такой только бывшему заключенному может прийти в голову.

В тряском вагоне, уносившем его на юго-запад, к острову Манхэттен, он сощурил зоркие глаза мечтательного хищника, ошеломленного ярким светом и толпой чужих людей.

Лео стоял, прислонясь лбом к стеклу, и любовался низкими домами с плоскими крышами под восходящим солнцем, и заснеженными улицами, и автомобилями, медленно, но упорно двигающимися вперед по своим делам.

Пока поезд не нырнул в тоннель, он вслушивался в лязгающий голос метро, казавшийся ему музыкой после осточертевшего шума тюрьмы.

Двадцать семь минут спустя он вышел на станции «Принс-стрит», поднялся на перекресток Бродвея и Восьмой улицы и пошел по скользким тротуарам мимо

сугробов. Редкие прохожие ежились от холода, а Лео чувствовал себя неслыханно, чудовищно счастливым и никуда не торопился, наплевав на ледяной, пробиравший до костей ветер. Он узнавал каждую улицу, каждый перекресток, каждое здание и витрину, хотя за три года на месте прежних появилось много новых магазинов.

Это был его квартал с улицами, мощенными камнем, ресторанами, дорогими бутиками и чугунными домами, низкими домами, построенными сто лет назад и превращенными в дорожные лофты для богемы¹⁰.

Он почувствовал, что замерзает, и ускорил шаг, поднимаясь по Вустер-стрит, обогнул фургон, из которого молодые парни выгружали что-то прямо на снег, и остановился перед шестиэтажным кирпичным домом с велосипедом у крыльца, высокими окнами и зигзагом металлической пожарной лестницы на фасаде.

За три года заключения он плакал дважды — все мужчины льют слезы в тюрьме, — оба раза среди ночи, в темноте, бесшумно, чтобы не разбудить соседа по камере. В эти моменты ему казалось, что тюрьма уподобилась сказочному чудищу, проглотила его и уж точно не отдаст назад.

Снежный заряд шевелил его волосы, небо хмурилось, но он не плакал. Взгляд серых глаз ощупывал каждую деталь фасада, как будто он решил запечатлеть его на холсте в реалистичной манере Чарльза Шилера или Эдварда Хоппера¹¹.

И все-таки он был растроган. Чертовски, до глубины души взволнован.

Потому что вернулся домой.

Он не заметил слезки, не обратил внимания на мужчину с длинным худым лицом, словно бы состоявшим из одного только профиля. Наблюдатель стоял метрах в двадцати от дома, курил сигарету,

зажатую в уголке рта, и время от времени щурился от дыма.

⁹ «*King of New York*» («Король Нью-Йорка») — песня английской хард-рок-группы *The Quireboys* (1984–1993) с их второго альбома «*Bitter Sweet & Twisted*» (1993).

¹⁰ Нью-йоркский район Сохо с середины XX века был популярен среди творческих людей — в частности, художников, ценивших недорогие студии в переоборудованных промышленных зданиях с большими площадями и огромными окнами. Помимо этого, Сохо известен своей чугунной архитектурой второй половины XIX века, когда строительные каркасы и декор зданий из чугуна считались перспективным решением: они изготавливались серийно, обеспечивали разнообразие стилей, были дешевы, прочны, долговечны и, предположительно, огнеупорны.

¹¹ Чарльз Шилер (1883–1965) — американский художник-реалист, фотограф, представитель прецизионизма (сложившееся под влиянием кубизма и футуризма раннее модернистское направление в американской живописи 1920-х — начала 1930-х годов, изображавшее четкие, геометрически выверенные урбанистические пейзажи; по некоторым версиям, Шилер и был автором термина). Эдвард Холпер (1882–1967) — американский живописец, акварелист и гравер, представитель американской жанровой живописи.

Верните его в Нью-Йорк,
И все мы поверим в чудеса!
*Herman Düne, «Take Him Back
to New York City»¹²*

Лофт остался прежним: те же афиши Ганса Гофмана и Сая Твомбли на кирпичных стенах, тот же дубовый пол, те же кожаные клубные кресла, та же кровать, те же ковры, тот же велосипед «Кэннодейл» в углу и разноцветные безделушки, расставленные по всему огромному открытому пространству.

У него увлажнились глаза, когда он, закрыв противопожарную дверь, шагнул в тихую светлую комнату и мысленно сравнил ее со своим временным пристанищем в Райкерс. Лофт был необъятно пуст и немыслимо тих, свет попадал в помещение через три выходящих на восток окна и ничем не напоминал то мертвенно-холодное свечение, что с трудом протискивалось через сдвигаемые решетки.

Он снял куртку и подошел к длинному, на все три окна, подоконнику, занятому книгами, художественными журналами и пожелтевшими за три года каталогами. «Регтайм» Доктору, «Странники» Ричарда Прайса, «Человек-невидимка» Ральфа Эллисона¹³. Его любимые романы. Все три о Нью-Йорке. *Его* городе.

Жить он всегда хотел только здесь, хотя много путешествовал, особенно по Европе. Получив диплом Национальной школы изящных искусств, без гроша в кармане объехал Италию, Испанию, Францию, Фландрию, Амстердам, Лондон, Вену... Посещал музеи,

много музеев: Эрмитаж, Европейские Национальные галереи, музеи Ватикана, Лувр, Прадо, Венецианскую академию изящных искусств и Скуола Гранде ди Сан-Рокко¹⁴, венский Музей истории искусств... В тюрьме он по ночам закрывал глаза и как наяву видел полотна любимых мастеров: Боннара¹⁵, Рембрандта, Тициана, Гойи, Чарторыйского... Они устраивали оргии у него в голове, пировали, пока застенки не возвращал его к реальности.

В помещении не было ни пылинки, как будто время остановилось в тот день, когда его посадили: он знал, что раз в месяц уборщица наводила тут порядок, а сестра регулярно проветривала лофт.

Он положил ладонь на батарею. Теплая... Поставил на максимум, чтобы защититься от холода и ветра, которые спеленали город, и отправился на кухню, где кто-то оставил включенной итальянскую кофеварку-эспрессо, достал из шкафчика кофе, понюхал пакет и засыпал зерна в кофемолку. Запах, забытый за три года, был божественным. Вода не была перекрыта, а вот холодильник оказался не только девственно-чистым, но и пустым.

Лео включил стереосистему, разделся и встал под душ в ванной, отделенной от лофта стеклянной перегородкой. Рэй Чарльз запел «What'd I Say»¹⁶. Эта и несколько других песен позволили ему продержаться в Райкерс. Трубы загудели, потекла горячая вода, и он закрыл глаза, застонав от удовольствия, но вдруг насторожился и кинул беспокойный взгляд через плечо. Никого. Конечно...

Ты уже не в тюрьме, парень, расслабься: тут безопасно.

«Я сказал, что чувствую себя хорошо, детка», — рявкнул за стенкой Рэй Чарльз, решив подбодрить хозяина здешних мест.

Мягкие и пушистые банные полотенца нашлись в

ящике; он насухо вытерся, посмотрел на свое отражение в зеркале и отметил бледный цвет лица, красные, как у всех, кто редко видит свет дня, глаза и несколько новых морщин.

Лео обвязался полотенцем и вернулся на кухню, чтобы насладиться кофе. Элтон Джон предупреждал: *I'm Still Standing* — «Я все еще держусь». *Тем лучше для тебя, дружище*, — подумал он, — *тем лучше для тебя: я, кстати, тоже*. Лео улыбнулся и сделал несколько танцевальных па, охваченный диким, пьянящим восторгом.

Черт, до чего же хорошо быть свободным...

Мгновение спустя он застыл перед чистыми холстами, тюбиками краски, разбросанными по неструганому верстаку, полным арсеналом кистей в глиняных кувшинах... *Он не прикасался к ним три года...* Какие картины породит его заключение? Его снедало желание писать днем и ночью, без усталости, до изнеможения, но сначала нужно было нанести один визит.

В шкафу нашлась кожаная куртка с воротником из искусственного меха, намного теплее его замшевой. Свитер из толстой шерсти, джинсы и белье. Пять минут спустя он окунулся в холод Манхэттена, сделал глубокий вдох и словно хлебнул крепкого алкоголя. Ему надо очень быстро урегулировать свои дела с банком, а пока придется довольствоваться несколькими мелкими банкнотами, полученными на выходе из Райкерс. Лео сунул руки в карманы и с легким сердцем зашагал к метро по Вустер-стрит. Ему было весело, несмотря на колючий ветер и грязную снежную жижу под ногами, и он только что не подпрыгивал от удовольствия. Свобода!

На углу Восточной Семьдесят третьей улицы и Лексингтон-авеню находится *Kitty's Fine Wines*, шикарный винный подвальчик, знакомый всем

ценителям изысканных вин. Лео толкнул стеклянную дверь, звякнул колокольчик, он стряхнул снег с воротника и огляделся.

Заведение не изменилось: стены, обшитые панелями из красного дерева, бочки, навевающие мысли о винных заведениях Бургундии и Тосканы, зеркала, создающие иллюзию простора. Хозяйка здешних мест в фартуке винодела, завязанном вокруг талии, вела с клиентом разговор на повышенных тонах.

Лео изобразил интерес к дешевым калифорнийским, чилийским и новозеландским винам, к запредельно дорогим французским, к крепкому виски из Тайваня и бутылке водки *Grey Goose* за восемьсот пятнадцать долларов, в фирменном футляре от *Chopard*: судя по всему, клиенты, живущие в окрестностях, за три года его отсутствия не обеднели.

Он с мечтательным выражением лица любовался запертым в витрине элегантным *Petrus* 1988 года, по три тысячи двести долларов за бутылку¹⁷, когда молодая рыжеволосая женщина закончила разговор и быстрым шагом направилась к нему, прихватив по пути бутылку калифорнийского вина.

— Французское обходится слишком дорого из-за акцизов, — сообщила она, оказавшись рядом с Лео. — Могу предложить вот это, если хотите. Обойдется дешевле. *Petrus* вам в любом случае не по карману.

— С чего вы взяли? — оскорбился он. — Я предпочитаю французские вина — сколько бы они ни стоили... Французам нет равных в двух вещах: вине и живописи.

— Да что вы?! — съязвила рыжая. — Не будь таким снобом, Лео Ван Меегерен! А как же «Конвергенция»?

— Лично я не променяю одного-единственного Ренуара на всех Поллоков мира.

— Врешь, братец, — улыбнулась она. — Ты всегда считал Поллока и Чарторийского полубогами.

С этими словами Китти бросилась в объятия брата, прижалась к нему, щекоча шелковистыми волосами шею, и он почувствовал биение ее сердца. Она расплакалась и никак не могла успокоиться.

— Господи, как же хорошо видеть тебя наяву! — пролепетала она, вытирая лицо фартуком. — Мог бы сообщить, что выходишь, мерзавец ты этакий!

Лео пожал плечами:

— Сама знаешь, как это делается, я сам узнал только вчера.

— Все равно должен был позвонить!

— Хотел сделать тебе сюрприз...

Китти расплывается в улыбке, поднимает на брата огромные заплаканные глаза. Волосы у нее рыжие, у Лео — темно-каштановые, но глаза у обоих серые, и веснушки украшают нос, щеки и даже губы.

— Не понимаю, как можно выглядеть еще более тощим и одновременно окрепшим... Ты в хорошей форме.

— В тюрьме только и остается, что качаться, — объясняет он.

— Да уж, классные бицепсы, — подтверждает Китти, пощупав руки брата через куртку. — Заходил в лофт?

— Спасибо, что присмотрела. Все на месте.

Китти лукаво морщит нос:

— Не забыл, что переписал его на меня?

Лео довольно хмыкает. Да, они тогда вовремя провернули эту операцию и спасли лофт от когтей правосудия. Китти посмотрела на часы, схватила брата за локоть и потащила к двери:

— Давай пообедаем. Я закрою магазин. Повешу табличку: «Исключительное событие! Закрыто по случаю выхода из тюрьмы!» Хорошая идея? Не каждый день моего младшего брата выпускают из застенка...

— А меня можете обслужить? — поинтересовался клиент, стоявший в трех метрах от них.

— Могу, но не буду, — отрезала Китти, надвинувшись